

Сближение с жанром «сатирического бурлеска» — характерным жанром английской демократической сатиры тех лет — позволило Байрону широко использовать систему разительных средств демократической сатиры, что придало «Видению Суда» яркое национальное своеобразие, расширило диапазон стиля применительно к запросам нового содержания, обогатило язык поэмы народными общепонятными образами.

Рассмотренные в статье связи «Видения Суда» с сатирой Филдинга и с сатирой поэта-демократа Питера Пиндара служат лишним подтверждением глубоко прогрессивного, а вместе с тем и подлинно национального характера этого замечательного произведения Байрона.

Романо-германская философия. —
М., 1958. — Вып. 2. — С. 183-202.
АН СССР.

Е. А. Макарова

СОЦИАЛЬНАЯ САТИРА В ПОЭЗИИ БЕРНСА ВОСЬМИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

Отчетливо выраженная сатирическая линия составляет одну из ярких особенностей творчества Бернса. Обличение общественно-политической несправедливости входит неотъемлемой частью в трактовку центральной темы всей его поэзии — темы народа.

Обличительные произведения Бернса получили высокую оценку представителей передовой общественной мысли. Его сатиры любил Карл Маркс, их высоко ценили поэты-чартисты; современные передовые критики в Англии и Шотландии (Дж. Кэмпбелл, У. Галахер и др.) призывают читателей обратить внимание на сатирическую сторону таланта Бернса.

Советскому литературоведению принадлежит заслуга единого и последовательного утверждения высокой ценности обличительных произведений великого шотландского поэта.¹ Однако сатира является наименее изученной стороной творчества Бернса. И нет специальных работ, посвященных этому вопросу.

Суждения об обличительных произведениях поэта в работах зарубежных буржуазных ученых чрезвычайно противоречивы. Ряд критиков отказывается видеть в Бернсе сатирика. Такой взгляд обычно связан с абстрактной трактовкой бернского гуманизма, с односторонней оценкой бернского юмора. Например, по мнению французского исследователя А. Анжелье, юмор поэта, «за исключением отдельных случаев личных нападок, лишен злобы и желчи».² Автор истории шотландской литературы Дж. Росс³ утверждает, что сатира Бернса «смягчена» его человечностью. Сходной точки зрения

¹ См. статьи М. Н. Гутнера, М. М. Морозова и С. А. Орлова. Диссертации С. А. Орлова и Л. В. Севрюгиной.

² A. Angellier. Robert Burns. V. II, p. 119. Paris. 1893.

³ J. Ross. Scottish History and Literature, p. 210. Glasgow. 1884.

придерживаются Т. Гендерсон¹ и Г. Вульф². Такой взгляд на Бернса упускает из вида многообразие и богатство его юмора, различные юмористической трактовки мотивов и образов в произведениях, утверждающих его положительные идеалы, и в его обличительном творчестве, умение поэта подчинить юмор задачам сатиры.

Для ряда зарубежных исследователей о Бернсе характерно отрицание внутренней связи между различными тематическими группами его обличительных произведений. Отдельные авторы монографий о Бернсе уделяют значительное внимание его антиклерикальной поэзии и в то же время отрицают идейную и художественную ценность его общественно-политической сатиры. Лучшие произведения Бернса 80-х годов, отразившие растущий социальный протест шотландского народа, зачастую толкуются зарубежными критиками в узко биографическом плане. Так, многочисленные комментаторы и исследователи произведений Бернса видят в обобщающих образах поэмы «Две собаки» лишь изображение владельца фермы, арендованной отцом поэта и управляющего этой фермы. Содержание сатиры Бернса «Обращение Вельзевула» сводится Чемберсом к «неправильному» восприятию частного случая в жизни одного из шотландских помещиков.³ Гневный пафос «Оды на смерть миссис Освальд», бичующей алчность и эгоизм ненавистной шотландскому народу помещичьей знати, толкуется как выражение личного раздражения поэта.⁴

Недооценка социальной сатиры Бернса 90-х гг. встречается и в таких содержательных и во многом интересных работах, как сравнительно недавно опубликованные монографии Снайдера (1936 г.)⁵ и Дейчеса (1950 г.).⁶

Реалистическая глубина и действенная сила сатиры Бернса определяется в конечном счете своеобразием современной ему исторической действительности. Развитие обличительной темы в его произведениях отразило эволюцию общественного сознания масс в период углубления противоречий, связанных с процессом первоначального накопления в Британии и проявившихся в Шотландии с особенной остротой. Национальный гнет, усилившийся после разгрома последнего якобитского восстания (1745—1746 гг.), иго феодальных пережитков,

бедствия, вызванные аграрным переворотом, вторжение английского капитала и интенсивное развитие буржуазных отношений в южной части Шотландии — все это тяжелым бременем ложилось на плечи народа. Хищническая политика, осуществляемая новой шотландской знатью вкупе с местной и английской буржуазией при поддержке ненавистного простым людям Шотландии ганноверского правительства, создавала благоприятную почву для распространения республиканских идей среди «низших» классов населения страны. Не случайно популярности на родине Бернса; и не случайно Шотландия становится одним из главных очагов демократического движения, охватившего Британию в эпоху Французской революции.

Сатирическая тема возникает в поэзии Бернса в 80-е годы, т. е. в период относительной зрелости его творчества. Уже первые обличительные произведения поэта насквозь пронизаны духом бунтарства. В 90-х годах, в период наибольшей зрелости политических воззрений Бернса, его сатира, как и вся его поэзия, приобретает отчетливо выраженный революционно-демократический характер.

Создавая свои обличительные произведения, Бернс опирался на богатую национальную традицию. Глубоко уходящее своими корнями в англо-шотландский фольклор, в самом близкое шотландское поэзии XVIII века и английский массовый сатирическое творчество Бернса в то же время продолжает и углубляет демократическую линию английской просветительной литературы.

Гуманизм поэта, его стихийно-материалистическое восприятие действительности, его вера в могущество разума — все это роднит Бернса с писателями эпохи английского Просвещения. Общность объектов сатиры, обусловленная общностью исторической обстановки, близость отдельных мотивов и образов, сходство сатирических приемов свидетельствуют о ярко выраженной преемственности между произведениями Бернса и творчеством английских сатириков XVIII века. Близость Бернса к народу и то обстоятельство, что он творил в обстановке растущей гражданской активности масс, позволили ему придать новаторский характер критике современного ему буржуазно-дворянского общества. Изображение народных бедствий неизменно связано в зрелых произведениях Бернса с утверждением несокрушимой стойкости простых людей, неистребимости волеюлюбивых бунтарских традиций народа. В самой жизни поэт сумел увидеть силы, несущие в себе залог грядущего освобождения человечества от власти, титула и денег, от гнета классовой и национальной неспра-

¹ Th. Henderson. Scottish Vernacular Literature, p. 144—145. Edinburgh. 1910.

² H. Wolfe. Notes on English Verse Satire, p. 126. London. 1929.

³ R. Chambers. The Works of Robert Burns, v. I.

⁴ M. Lindsay. Robert Burns, p. 241. London. 1954.

⁵ F. Snyder. Robert Burns. His Poetry, his Reputation his Art. Toronto. 1936.

⁶ D. Daiches. Robert Burns. New York. 1950.

ведливости. И это дало ему возможность заглянуть далеко в будущее и гениально предугадать историческую обреченность всего, что стоит на пути к осуществлению заветных чаяний народа. Эта новаторская для того времени трактовка общественной проблемы определила одну из наиболее ярких особенностей сатиры Бернса — ее жизнеутверждающий пафос. Ближкие по духу устной народной поэзии, сатиры Бернса свободны от тех элементов разочарования и горечи, которые характерны для творчества Свифта и Фильдинга как отражение трагического противоречия между иллюзиями просветителей и жизнью. В период, когда в английской литературе проявляется идеалистическая реакция, связанная с кризисом просветительского мировоззрения, Бернс утверждает гуманистические идеалы на новой основе — на основе веры в превосходство и несокрушимую силу людей труда.

Объектом сатиры Бернса были наиболее характерные общественные противоречия его времени. Обстановка социального и политического гнета и церковного террора в Шотландии 80-х годов определила круг тем его сатирической поэзии того времени. В 1785 г. Бернс создает одно из своих наиболее ярких обличительных произведений — кантату «Веселые нищие», сочетающую элементы политической сатиры с сатирой антибуржуазной и антиклерикальной. К этому же периоду относится группа сатирических стихотворений, направленных против церкви и духовенства, и ряд сатир, обличающих антинациональную и антинародную политику новой шотландской знати.

Задача данной статьи — осветить наиболее яркие произведения последней тематической группы. Социальная сатира Бернса 80-х годов сыграла значительную роль в эволюции общественно-политической темы в его творчестве, подготовив создание его революционно-демократической поэзии более позднего периода. Анализ сатирических произведений этих лет представляет интерес для раскрытия ряда художественных особенностей, характерных для Бернса-сатирика и повлиявших на дальнейшее развитие в его обличительном творчестве 90-х годов. Рассмотрение этих произведений представляется особенно нужным в связи с неверной трактовкой социальной сатиры Бернса в работах ряда представителей зарубежного буржуазного литературоведения.

В поэме «Две собаки» (1785 г.) Бернс обличает и высмеивает шотландскую землевладельческую знать от имени народа с точки зрения интересов народа. Здесь, как и в других обличительных произведениях поэта, рационалистическая ясность и последовательность изложения сатирической мысли сочетаются с публицистической страстностью, характерной

для английской массовой сатиры XVIII века, с той яркой эмоциональной насыщенностью, которую Бернс высоко ценил в произведениях народного творчества. В этой поэме (как и в большей части своих сатир) Бернс сочетает различные разоблачительные приемы, различные способы осмеяния, как бы атакуя своего противника сразу с нескольких сторон: здесь и лукавая ирония, близкая к своему характеру к юмору фольклора, и язвительный сарказм, и гневный пафос прямого обличения.

В самом названии поэмы заключено скрытое лукавство. Бернс, казалось бы, не имеет ни малейшего желания заниматься вопросами, связанными с жизнью общества. Что может быть более далеким от политики, от современности, чем повесть о «Двух собаках»!

Почти так же невинно выглядит и введение к поэме, наминающее некоторые внешними чертами одну из наиболее популярных в Шотландии басен Генрисона.¹

Центральные персонажи поэмы Бернса подобно городской и полевым мышам в произведении шотландского баснописца занимают различное положение в жизни. Собака Цезарь принадлежит знатному лорду и живет в помещицком доме; Льюаф, простой дворовый пес, — друг и товарищ бедняка. Подобно обычным героям басен, оба приятеля наделены человеческими качествами, каждый из них обладает определенными индивидуальными чертами. В то же время весь тон, которым ведется повествование, заметно отличается от характера сатиры Бернса от общепринятой трактовки общественных аллегорических образов народной сказки или басни.

С комической серьезностью и обстоятельностью поэт сообщает читателю малейшие детали, касающиеся образа жизни, вкусов и привычек Цезаря и Льюафа; он указывает их точное время и место их встречи, подробно описывает их обычные развлечения и забавы. Взглянув на первые строчки поэмы, завсепдатый аристократических клубов Эдинбурга, надменный лорд и утонченный критик вряд ли могли представить себе, какую горькую пилюлю преподносит им этот простодушный пахарь, так мило и забавно рассуждающий о нравах и повадках деревенских псов.²

¹ R. Henryson — шотландский поэт XV века.

² Небезынтересно отметить, что многие зарубежные буржуазные исследователи и комментаторы поэзии Бернса принимают его лукавую иронию за чистую монету, заявляя с полной серьезностью, что главной целью создания «Двух собак» было желание автора увековечить память своей любимой собаки.

И только когда читатель полностью уже знаком со всеми деталями внешности, характеров и взаимоотношений Цезаря и Люафа, и казалось бы, вот-вот должен начаться рассказ об их злоключениях или проделках, подставные герои поэмы внезапно оказываются отодвинутыми на задний план. Цезарь и Люаф, «усевшись на холме в тени», заводят беседу по поводу «венца творения» — человека. Обличительная тема вступает в свои права. Окажочные и басенные элементы почти полностью сходят на нет, а с ними бесследно исчезает и та атмосфера безмятежного благополучия, которая пронизывала введение. Неизменным остается лишь общий стиль живой разговорной речи поэта, подкупающая простота языка и тот лукавый юмор, который сквозит теперь в нарочито наивном удивлении собеседника по поводу несправедливости общественных порядков у людей. Внезапная смена интонаций создает яркий впечатляющий эффект, характерный для произведений народного творчества.

В соответствии со взглядами передовых представителей эпохи Просвещения Бернс ставит вопрос о неразумности социальной системы, искажающей «естественные» соотношения вещей. Он использует один из популярных в просветительской литературе художественных приемов, показывает общественное устройство Шотландии как бы извне, подчеркивая этим объективность и трезвость своих суждений. Собака лорда делится с приятелем своими наблюдениями над знатью, ее собеседник рассказывает о жизни и нравах бедняков. Все развитие обличительной темы подчинено строкой, логически обоснованной последовательности. Каждая строка поэмы дышит глубокой верой в могущество разума, в действенную силу объективной критики. В ходе диалога раскрывается та оценка жизненных фактов, которую поэт как бы подсказывает читателю, раскрывая перед ним внутреннюю связь между явлениями, выступающими в повседневной жизни ни разрозненно и фрагментарно.

Просветительский тезис о несправедливости существующих взаимоотношений между человеком и обществом раскрывается в поэме как вопрос о взаимоотношениях между знатью и народом в современной Бернсу Шотландии. Жизнь богачей изображена поэтом такой, какой ее видела господская дворянка, какой ее мог наблюдать любой крестьянин, когда он приносил лорду «его кабальную ренту», когда, просрочив платежи, он «униженно стоял» перед управляющим, осыпавшим его угрозами и руганью. Уродливым контрастом по отношению к беспросветному труду и нужде крестьян выступает безделье и обжорство, царящие в господском доме. Знатный лорд, хозяин Цезаря

... rises when he likes himself;
His flunkies answer at the bell;
He ca's his coach, he ca's his horse;
He draws a bonnie silken purse,
As lang's my tail, whare, thro' the steeks,
The yellow-letter'd Geordie keeks.¹

Продолжая традиции шотландской поэзии XVIII века, Бернс вводит в свою сатиру яркие реалистические подробности, создающие наглядную картину жизни и быта шотландского поместья конца XVIII века. От хорошо знакомого каждому крестьянину представления о различии между жизнью богатых и жизнью бедняков Бернс ведет своего читателя к более сложным проблемам и обобщениям, вскрывая разительное несоответствие между привилегированным положением знати и ее общественной бесполезностью, между тугой заносчивостью аристократов и их внутренним ничтожеством.

Характеристики светских бездельников в поэме Бернса, противопоставление знати и людей труда близки по своему содержанию к одной из ирландских проповедей Свифта.² Бернс подобно Свифту рисует представителей паразитических классов как людей, лишенных подлинной человечности, слепых ко всему, что делает жизнь прекрасной.

... gentlemen, an' ladies warst,
Wi' ev'ndown want o' wark are curst.
They loiter, lounging, lank, an' lazy;
Tho' deal-haet ails them, yet uneasy;
Their days insipid, dull, an' tasteless;
Their nights unquiet, lang, an' restless;
An' e'en their sports, their balls an' races,
Their galloping thro' public places,
There's sic parade, sic pomp, an' art,
The joy can scarcely reach the heart.³

Бернс вносит в свою критику привилегированных сословий остроту и непримиримость протеста, идущего из глубины народных масс. В соответствии с духом бунтарских традиций

¹ The Poems of Robert Burns, p. 2. Edinburgh. 1906.

² The Works of J. Swift, v. VII, pp. 504—515. Edinburgh. 1824.

³ The Poems, p. 7.

фольклора¹ он выдвигает на первый план мысль об общественной бесполезности привилегированных классов, об отсутствии у них гражданских чувств и гражданских интересов. Благо родины — единственный критерий этических оценок в сатире Бернса. Создавая сатирический портрет шотландского лорда, он пользуется лишь теми штрихами, которые определяют отношение вельможи к своему народу, которые в той или иной степени обусловлены его особым положением в обществе. Бернс обличает равнодушное отношение вельможи к нуждам своей страны, его себялюбие, его раболепство перед английским правительством. Призванный защищать в парламенте интересы Шотландии, он

... gaun as Premiers lead him,
An' saying ay or no's they bid him
At opetas an' plays parading,
Mortgaging, gambling, masquerading;
Or maybe, in a frolic daft,
To Hague or Calais takes a waft,
To mak a tour, an' tak a whirl,
To learn bon ton, an' see the worl'.
There, at Vienna or Versailles,
He rives his father's auld entail;
Or by Madrid he takes the route,
To thrum guitars, an' fecht wi' nowte;
Or down Italian vista startles,
Wh-re-hunting amang groves o' myrtles;
Then bouses drumly German water,
To mak himsel look fair and fatter,
And clear the consequential sorrows,
Love gifts of Carnival signoras.²

¹ Общественная бесполезность привилегированных сословий не раз подчеркивалась народом в песнях, созданных в годы подъема массовых движений:

Когда Адам пахал, а Ева пряла,
Где был тогда джентльмен?»
пели восставшие английские крестьяне в XIV столетии.
«Епископы, викарии и попы,
Парламент и короли.

Не только злом являются они,
но и бесполезными вещами»,
говорится в песне, сложенной английскими ткачами, поднявшими знамя бунта в конце XVIII века. (Цит. по книге Быкова «Очерки социальных движений в Англии XVIII—XIX в.», стр. 75. М. 1924).

² The Poems, p. 5—6.

Все необычайно просто в этой уничтожающей характеристике вельможи, вся она звучит, как отрывок из обычной будничной беседы между простыми людьми Шотландии. Бернс сообщает читателю лишь несколько хорошо известных его современникам подробностей из жизни аристократов, но он отбирает их так же тщательно, как и бытовые детали, характеризующие общественные контрасты шотландской деревни. Мастерство сатирика чувствуется в его умении выделить из массы жизненных фактов то, что с наибольшей убедительностью и полнотой раскрывает типическую сущность ненавистного народу класса помещиков. Несколько лаконичных строк поэмы Бернса дают исчерпывающее представление не только о моральном облике и политической деятельности, но и о всей жизни титулованного бездельника. В эмоциональной насыщенности и четкости сатирического рисунка, в стремительном движении резко очерченных линий чувствуется сила накопившего негодования, категоричность выношенных и проверенных жизнью суждений.

Характерные черты типичного представителя знати приобретают особую рельефность и заостренность в свете проходящего через всю поэму противопоставления привилегированного общества и крестьянства. С большим теплом изображает Бернс скромного труженика в кругу своей семьи. Яркими штрихами рисует он веселье сельских вечеринок, где «блещет любовь» и «сверкает остроумие». В противоположность подчеркнутой скупости сатирических описаний Бернса речь его теперь изобилует красочными эпитетами. Он говорит о «сладом ощущении отдыха», о «драгоценнейшей отраде» семейных привязанностей, о «бурном весельи» сельской молодежи, об «угрюмых зимних днях» и «леденящих» ветрах, о «вздыхающей тене» эля, о «дымящейся» трубке и т. д. Живой интерес ко всему, что связано с жизнью людей труда, чувствуется в каждом слове поэта.

Если лорд думает только о том, «чтобы стать толстым и красивым»,² то крестьяне, в которых «дворянство видит скот», горячо откликаются на все, что связано с жизнью их родины, остро переживают последствия неразумной политики своих правителей.

They lay aside their private cares,
To mind the Kirk and State affairs:
They'll talk o' patronage and priests,
Wi' kindling fury in their breasts,

¹ Там же, стр. 4.

² Там же, стр. 6.

Or tell what new taxation 's comin',
An ferlie at the folk in Lon'on.¹

Если, создавая сатирические образы поэмы, Бернс до конца верен жизненной правде, то в изображении быта крестьян ему не всегда удается избежать некоторой искусственности. Не раз отмеченные критиками элементы идеализации жизни простых людей в творчестве Бернса 80-х годов обычно связаны в его произведениях с темой утверждения морально-го превосходства народа над знатью и богачами. С этой же темой связаны они и в поэме «Две собаки». В период, когда крестьянская семья разорялась и гибла, когда освещенные веками обычаи шотландского народа безжалостно ломались вторжением новых отношений, Бернс обращается к идеализованному изображению недавнего прошлого, не находя иного способа показать поэзию сельского труда, глубину и силу семейных привязанностей крестьянина, красоту национальных традиций народа.

В поэме «Две собаки» идилическое описание сельского досуга и сельских вечеринок вступает в противоречие с правдивым изображением нужды и горя простых людей, и Бернс, по-видимому, сам почувствовал это. Люоф, увлекшийся описанием крестьянского праздника, внезапно обрывает свой восторженный рассказ, как бы возвращаясь к горькой жизненной правде.

Still it's owre true that ye hae said,

Sic game is now oware often play'd.

There's mony a creditable stock

O' decent, honest, fawsont folk,

Are riven out baith root and branch,

Some gascal's pridefu' greed to quench.²

Взаимоотношения людей в современном ему обществе представлены Бернсом в свете взаимоотношений между двумя непримиримо враждебными друг другу классами. Такая постановка проблемы устраняла возможность ее разрешения в сентиментально-идеалистическом плане. Раскаяние одного деспота-дворянина вроде Фокленда в «Приключениях Калеба Вильямса» Годвина ни в чем не изменило бы ее личное благо-родство какого-нибудь помощника вроде дядюшки Горнхилла в «Бекфильдском священнике» Голдсмита. Частные случаи,

¹ Там же, стр. 4.

² Там же, стр. 5.

индивидуальные отклонения от общего правила не интересуют Бернса. Предположение Люофа, что причиной бедствий народа являются «некие подлещи» среди управляющих, высмеивается автором как нелепость. С такой же резкостью и гневном отклоняется попытка найти компромиссный выход из сложившихся взаимоотношений между крестьянами и помещиком. Наивные надежды Люофа на тех «парней» среди знати, которые «не причиняют ни капелки зла беднякам», вызывают отпор у его собеседника. Собирательная характеристика светского общества заканчивается в поэме следующими словами:

There's some excerption, ma an' woman;

But this is gentry's life in common.¹

Автор «Двух собак» отразил в своей поэме не только исторические изменения в Шотландии, но и те взгляды, которые существовали в народе по поводу новых порядков в стране. На всем протяжении поэмы он сталкивает два ряда противоположных суждений. С неподражаемым лукавством Бернс выдвигает сначала наивную оценку действительности, направленную, по видимости, на оправдание существующего положения вещей, и каждый раз ответная реплика одного из собеседников с неопровержимой убедительностью показывает несостоятельность этой оценки. Не лишенный зависти, восторженный отзыв Люофа о жизни помещиков, его наивное предположение, что знать живет «для блага Британии», служат поводом для уничтожающей сатиры на все светское общество.

Бернс не только высмеивает наивные взгляды, еще сохранявшиеся среди известной части крестьянства. Поэт издевается над бесплодными попытками правящих классов навязать народу чуждое ему мировоззрение. Бернс показывает несостоятельность каких бы то ни было иллюзий по поводу существующего строя перед лицом упрямых жизненных фактов, перед лицом растущего общественного сознания народа. В аллегорических образах собак читатель без труда угадывает тех самых крестьян, которые «с яростью, кипящей в груди», говорят о правительстве и духовенстве и «отказываются понимать» антинародную политику лондонских законодателей. Тот самый юмор, который «сверкает» на сельских вечеринках, чувствуется в метких и беспощадных суждениях Цезаря и Люофа.

В «Двух собаках», как и во многих других своих сатирах, Бернс соблюдает особенности обычного разговорного стиля и языка простых людей современной ему Шотландии. Трез-

¹ Там же, стр. 7.

вось мышления и острая наблюдательность народа чувствуются в каждой строчке поэмы. Меткие и образные сравнения взяты из жизни и быта простых людей (честных людей «вырывают из земли с корнем и ветками»; светские дамы «выпивают изрядную порцию сплетней»; кошелек богача, «длиннен, как собачий хвост», и т. д.).

Гневный голос народа слышится в обличительных тирадах собеседников, в их взволнованных восклицаниях, прерывающих плавное течение диалога. Горькой иронией звучат заключительные строчки характеристики знатного вельможи:

For Britain's guide! — for her destruction!

Wi' dissipation, feud, an' faction!¹

Обида, тревога за судьбу своей родины звучат в реплике Люафа, узнавшего о легкомыслии и мотовстве шотландского депутата:

Hech man! dear sirs! is that the gate

They waste sae munny a braw estate!

Are we sae foughen an' harass'd

For gear to gang that gate at last!²

Подобно народным сказкам или басням рассказ о двух собаках не лишен известной поучительности. Раскрывая непримиримость общественных противоречий, поэт стремится укрепить дух гневного возмущения, растущего в народе. Если английским сатирикам-просветителям XVIII века была не чужда мысль об исправлении общественных пороков средствами морального воздействия, если английские сентименталисты стремились найти выход из противоречий в обращении к милосердию богачей, то Бернс в ряде своих произведений обличает и высмеивает простых людей, готовых примириться с существующей несправедливостью. Производ правящих классов и растущий протест масс выступают в сатире Бернса как две стороны одного и того же процесса.

Революционные ноты впервые звучат в его творчестве в стихотворении «Обращение Вельзевула» (1786 г.), где поэт рисует бесчеловечную жесткость новой знати по отношению к жителям Горной Шотландии. Конфликт между правящими классами и народом принял особенно острые формы на севере страны. Бывшие вожди кланов, стремившиеся перейти от феодальной эксплуатации к буржуазной, не знали границ своему произволу. Целые деревни разрашались и сжигались для того, чтобы освободить место капиталистическим хозяй-

¹ Там же, стр. 6.

² Там же.

ствам.¹ В тех случаях, когда владельцу имения нужны были рабочие руки, жителей насильственно задерживали в поместьи, где их подвергали бесчеловечной эксплуатации. Шотландские лорды решительно расправлялись с малейшим проявлением непокорности со стороны горцев для того, чтобы беспрепятственно осуществлять собственные замыслы и в то же время угодить английскому правительству, для которого бунтарский дух шотландцев составлял предмет постоянных опасений.

Победа американского народа в борьбе за независимость пробуждала в сознании шотландских масс мысль о возможности решать свою судьбу вопреки воле деспотических правителей страны. В 80-х годах усиливается эмиграция горцев, несмотря на правительственные законы, запрещающие жителям северной Шотландии покидать страну. Растущее сопротивление масс сопровождалось усиленным наступлением реакции правящих классов, напуганных исходом американской революции и популярностью борцов за независимость Америки среди шотландского народа.

Сатира Бернса «Обращение Вельзевула» — отклик на событие в одном из поместий Горной Шотландии. Пятьсот крестьян лорда Гленгарри объединились для организованного бегства в Америку. На собранные ими деньги были куплены корабли для переезда через океан. Планы горцев стали известны правителям Шотландии. Члены лондонского «Общества по делам Горной Шотландии» собрались на специальное заседание для того, чтобы обсудить меры борьбы с эмиграцией горцев и, в частности, предотвратить побег крестьян из поместья Гленгарри.

Шотландские землевладельцы, входившие в состав Общества, старались прикрасить истинную сущность своей политики демографическими фразами о «чести нации», о «благах» шотландского народа. Их деятельность получила апологетическое освещение в официальной печати и в мемуарах защитников буржуазно-феодального строя. Так, английский путешественник, посетивший Горную Шотландию, говорит о переменах в поместьи Меккензи Амплхросса, где лишенные земли крестьяне были превращены в сельскохозяйственных рабочих, как о проявлении «великодушия со стороны вельможи».²

¹ Характеризуя варварскую политику шотландской знати в начале XIX века, Маркс приводит следующую выдержку из книги Энсора: «Шотландская знать экспроприровала крестьянские семьи, выбросив их как сорную траву...» (Карл Маркс, Капитал, т. I, стр. 734. 1952.

² R. Chambers. The Life of Robert Burns, v. I, p. 60.

Борьба правительств с эмиграцией горцев комментировалась в прессе как деятельность, направленная на улучшение жизни страны в интересах народа. Чемберс приводит выдержку из «Эдинбургской газеты», где упомянутое выше заседание «Общества» трактуется как проявление гуманности и человеколюбия со стороны «благородных дворян и джентльменов».¹

В «Обращении Вельзевула» Бернс вскрывает типическое значение события в поместьи Гленгарри для всей современной ему шотландской действительности. Он показывает, что бегство горцев — результат нечеловеческих условий жизни, созданных знатью, что попытки дворян помешать эмиграции не имеют ничего общего с интересами народа.

Художественное своеобразие стихотворения Бернса в значительной мере определяется характерным для всей его сатиры сочетанием острой злободневности и глубины обобщений.

Центральный образ стихотворения — один из примеров творческого усвоения Бернсом художественных традиций просветительской сатиры. Поэт нередко заимствует у своих предшественников отдельные мотивы и образы, обобщившие с большой сатирической силой характерные стороны общественно-политической обстановки в Британии. Переосмысливая их в плане конкретной ситуации, послужившей поводом к созданию той или иной сатиры, Бернс вносит в них черты местного колорита и придает им свойственную его поэзии лаконичную, доступную форму. Образ Вельзевула — вдохновителя знатных людей Шотландии заимствован Бернсом из сатиры Свифта, обращенной к доктору Делени.² Властитель ада, пославший в Ирландию своего наместника для того, чтобы разрушить страну, символизирует в стихотворении Свифта ненавистное ирландскому народу правительство Британии. Этот же символ раскрывает в сатире Бернса антинациональную и антинародную сущность политики шотландских аристократов. Образ Вельзевула, воплотивший основную мысль сатирика, проходит через все стихотворение, постепенно усложняясь и обогащаясь новыми мотивами.

Широко распространенный в англо-шотландском фольклоре и в массовой английской карикатуре XVIII века образ черта не раз встречается в произведениях Бернса. Однако на этот раз перед нами совсем особенный черт, непохожий на обычных «героев» сатирической фантастики поэта. Это не

¹ Там же.

ОСМЫСЛУ ТЖБШРЯ ШЛКЛЗ

² «A. Libel on the Reverend Dr. Delany and his Excellency John Lord Garretted. «The Works of J. Swift, v. XIV, pp. 426—432. Edinburgh, 1824.

«старый рогач», которого Бернс так «бесцеременно» высмеял в «Послании дьяволу»!¹ «не веселый Ник» — участник адского шаша в церкви Аллоуей,² не «дружище — сатана», умчавший в ад таможенного чиновника,³ — это утонченный, рафинированный черт, вполне достойный собеседник высокопородных членов «Общества по делам горной Шотландии». Для своего послания председателю «Общества» он избирает тот самый жанр, который эдинбургские поэты и критики советовали культивировать Бернсу вместо «низменных» форм народной поэзии — жанр торжественного стихотворного «обращения».

Пародийное сатирическое «обращение» сохраняет все внешние признаки излюбленной стихотворной формы столичных литераторов. Здесь нет недостатка в приветствиях и пожеланиях, в изъяснениях преданности и уважения. «Обращение» аккурратно датировано «первым июня 5790 года от сотворения мира» и снабжено подробным и точным адресом. Вельзевул направляет свое послание «Высокопочтительному лорду Бридлбеин, председателю дважды высокопочтительного общества по делам горной Шотландии, собравшегося в Ковент-Гардене 23 мая этого года для того, чтобы обсудить способ предотвратить побег пугачей горцев, которые, как сообщил обществу мистер Меккензи Апплкросс, зашли так далеко в своей дерзости, что замыслили бежать от своего законного лорда и господина, чьей собственностью они являются, и эмигрировать из владений мистера Макдональда Гленгарри в дебри Канады в поисках пресловутой выдумки, которую они называют свободой».⁴

Уже в этом сатирическом введении поэт обнаруживает всю силу своего сарказма. Лыстивый и в то же время откровенно циничный язык черта звучит, как собирательная речевая характеристика, построенная на сатирическом контрасте между той изысканной учтивостью, которой щеголяют «цивилизованные» хищники в своем кругу, и открытым варварством их отношения к народу. Расшаркиваясь перед знатью, Вельзевул глумится над лучшими чертами людей из народа: над их свободолубием, смелостью, чувством человеческого достоинства. Мотив иронической лукавой почительности, пародирующий стиль «Эдинбургской газеты», проходит через все стихотворение и вносит остро комический элемент в мрачную окраску центрального образа сатиры.

¹ «Address to the De'il».

² «Tam O'Shanter».

³ «The De'il Cam Fiddling».

⁴ Burns' Poetical Works, p. 587. Oxford, 1938.

Уже первые строчки стихотворения вскрывают всю острую конфликтную ситуацию между Шотландией простых людей и ее вельможными правителями. Приветствуя знатного лорда, Вельзевул просит небо не допустить, чтобы

...duddie desperate beggar,
Wi' dirk, claymore, or rusty trigger
May twin auld Scotland o' a life
She likes—as lambkins like a knife.¹

Сатирически заостряя изображение политики правящих классов, Бернс дает глубоко правдивую в своей основе картину трагедии простых людей в эпоху становления буржуазных отношений в горной Шотландии. Злая и меткая характеристика отношения знати к народу заключена в следующих словах Вельзевула:

They, an' be damn'd! what right hae they
To meat or sleep, or light o' day?
Far less to riches, pow'r, or freedom,
But what your lordship likes to gie them!²

Прекрасно знакомый с нравами и обычаями шотландской аристократии, черт не прочь блеснуть при случае демагогической фразой. Злой издевкой над антинародной политикой шотландских вельмож звучит его обращение к «чести нации», во имя которой он призывает помещиков к более решительной расправе с народом.

Гротескный характер центрального образа, подчеркнутая резкость языка, стремительный ритм стихотворения — все это подчинено задаче сатирика передать драматизм развертывающихся событий, ярость наступления реакции, растущую напряженность общественно-политической обстановки в стране. Но и здесь на первый план выступает не страх перед грозной действительностью, а насыщенная ядом саркастической насмешки. И здесь проявляется умение сатирика увидеть черты внутренней неполноценности в том, что в данный момент выглядят вселишь и непобедимым. Он угадывал смертельную уязвимость правящих классов в неустойчивой противоположности их интересов интересам масс, и это дало ему возможность увидеть связь между растущим сопротивлением горцев и революционными событиями за океаном. Обнажая политические причины растущей злобы врага, Бернс рисует тот исход борьбы, который больше всего страшил шотландских правителей и их лондонских

¹ The Poems of Robert Burns, pp. 183—184. Edinburgh. 1906.

² Там же, стр. 184.

хозяев, видевших в упорном, свободолюбивом духе горцев постоянную угрозу своему господству над Шотландией.

Faith, you and Applegross were right,
To keep the Highland hounds in sight;
I doubt na! they wad bid nae better
Than let them ance out owre the water;
Then up amang thae lakes and seas,
They'll mak what rules and laws they please;
Some daring Hancock, or a Franklin,
May set their Highland bluid a-rankin';
Some Washington again may head them,
Or some Montgomery, fearless, lead them,
Till (God knows what may be effected
When by such heads and hearts directed)
Poor dunghill sons of dirt and mire
May to Patrician rights aspire!¹

Углубляя реалистическую трактовку социальной темы, Бернс раскрывает в «Обращении Вельзевула» те черты национального народного характера, которые проявились во всем своем блеске в период жестоких общественных потрясений. Он говорит о «бунтарском поколении», об «упрямом духе горцев».²

Высмеивая неспособность бывших вождей кланов сломить упорное сопротивление масс, Бернс в то же время издевается над их зависимостью от английского правительства. Внезапно изменяя речевую интонацию, он вводит в стихотворение острый сатирический намет. Напыщенно льстивый вна-чале, язык Вельзевула становится в середине стихотворения настойчивым и резким. Это уже не светская любезность, обращенная к людям «своего круга»: в отрывистых, повелительных фразах слышится жесткий тон диктатора, безоговорочно предписывающего свою волю угодливым слугам:

...smash them! crash them a' to spails!
An' rot the dyvots i' the jails!
The young dogs, swinge them to the labour;
Let wark an' hunger mak them sober!
The hizzies, if they're aughtlins fawsont,
Let them in Drury-lane be lesson'd!
An' if the wives an' dirty brats

¹ Там же.

² Там же.

E'en thigger at your doors an' yetts,
 Flaffan wi' duds an' grey wi' beas',
 Frightin' awa' your deucks an' geese,
 Get out a horsewhip or a jowler,
 The langest thong, the fiercest growler,
 And gar the atter'd gypsies pack
 Wi' a' their bastards on their back! ¹

Здесь слышится голос английского правителя, напуганного и взбешенного растущим духом мятежа среди широких масс Шотландии, тот голос, к которому работяшно прислушивались шотландские вельможи, продавшие интересы своего народа за «почетные» титулы, обширные поместья и право безконтрольно осуществлять у себя на родине хищническую деятельность, охарактеризованную Марксом, как «разбойниче ремесло». ²

Несоответствие между реальным содержанием этой деятельности и честолюбивыми претензиями шотландских правителей тонко и ядовито высмеяно поэтом и в заключительной строфе стихотворения. Бернс не отказывает «высокопочтимым членам дважды высокопочтимого общества» в праве на историческую известность. Возвращаясь к прежнему тону почтительной любезности, черт приглашает вельможу со временем занять подобающее ему место в аду рядом с Иродом и Поликратом:

Go on, my lord! I lang to meet you,
 An' in my hous at hame to greet you;
 Wi' common lords ye shanna mingle,
 The benmost neuk beside the ingle,
 At my right han' assig'n'd your seat
 'Tween Herod's hip an' Polycrate, —
 Or if you on your station tarrow,
 Between Almagro and Pizarro,
 A seat, I'm sure ye're weel deservin't;
 An' till ye come—Your humble servant. ³

Отголосок народной мечты о восстановлении нарушенной справедливости, обычно выражаемой в фольклоре при помощи фантастических образов, звучит по-новому в стихотворении Бернса. Поэт усложняет наивный мотив устной народной

¹ Там же. стр. 184—185.

² Карл Маркс. Капитал, т. I, стр. 733.

³ The Poems, p. 185.

поэзии, насыщая его лукавой иронией и острым сарказмом. Расплата ждет знатного лорда не только в аду. Здесь, на земле ему не избежать суда истории: он останется в памяти народа как один из знаменитых деспотов и предателей.

«Обращение Вельзевула» — одно из наиболее характерных для Бернса произведений. Многоплановость стихотворения, параллельное развитие нескольких сатирических мотивов, разнообразие способов создания комического эффекта, богатство художественных средств, начиная от широко распространенных в просветительской сатире (аллегория, противопоставление, речевой портрет и т. д.) и кончая своеобразными приемами Бернса (смена ритма или интонации), — все это типично для сатирической манеры поэта.

В то же время в «Обращении Вельзевула» есть черты, характерные для определенной тематической группы его произведений. Обилие темных красок, inferнальные мотивы — обычный фон сатир поэта, отразивших в той или иной степени становление буржуазных порядков в стране. В одной из эпиграмм Бернс обобщил в образе ада свое представление о знаменитых карронских заводах, где вчерашие крепостные и разорившиеся ремесленники подвергались жестокой эксплуатации. ¹

В пародийной «Оде на смерть миссис Освальд» (1789 г.) изображены алчной, жестокой помещицы выступает на мрачном, фантастическом фоне. Здесь явственно звучат отголоски популярной в дни Бернса в Шотландии массовой песни «Прекрасный парень — Шотландский горец». Центральный мотив песни — расплата, ожидающая Кумберленда, известного своей жестокостью начальника карательной экспедиции, посланной в Шотландию после разгрома якобитского восстания в 1745—1746 гг. Жалкая фигура Кумберленда, который «увертывается и вопит» ² в то время, как черти насильно отправляют его в преисподнюю, очерчена выразительными сатирическими штрихами. С такой же торжествующей радостью, с какой народ изобразил мученья ненавистного ему «мясника», Бернс рисует появление помещицы в «темном под-земелье». Сатирический портрет предельно обобщен и в то же время сохраняет ярко выраженную характерность. Здесь всего два-три штриха, но тем значительней роль каждого из них. Даже «самое пристальное наблюдение» не может обнаружить ни малейших признаков человечности и доброты на «выцветшем лице, похожем на лицо сумасшедшей». Глаза, не знавшие слез сочувствия, «затекали слизью». Цепкие

¹ «On Carron Iron Works».

² R. Chambers. The Scottish Songs, v. I, p. 21. Edinburgh. 1829.

руки — «руки обладателя железного сундука Мамоны» «ни-когда не протягивались для помощи». Они «брали, но ни-когда ничего не давали»¹. Облик миссис Освальд обрисован так же лаконично и выразительно, как и характеристика лор-да в поэме «Две собаки». С почти ошутимой наглядностью поэт воплощает представление народа о том, что знатным и богатым чужды какие-либо человеческие чувства, выдвигает на первый план наиболее ненавистные простым людям черты типичной предстательницы помещицкой знати. Каждая де-таль сатирического портрета рассчитана на то, чтобы вызвать отвращение читателя. Не страх перед жестокостью и бессер-дечием богачей, а уничижающая насмешка звучит в сати-ре поэта. Он зло высмеивает неверную походку и согнутую фигуру помещицы, медленно и неохотно направляющей свои шаги к месту вечных мучений, где ей уже не помогут «десять тысяч сверкающих фунтов в год»².

Так же, как и в «Обращении Вельзевула», мотив неиз-бежной расплаты угнетателей народа воплощен в «Оде» Бернса не только в фантастических образах. Вдова отпра-вляется в «царство вечного покоя», никем «неоплаканная, не-благословенная». «Смертельные проклятия» простых людей следуют за ней в могилу.

Мотив расплаты, ожидающей насильников и деспотов, по-лучает иную трактовку в революционно-демократической поэзии Бернса 90-х годов, когда мечта о светлом будущем человечества сливается в его творчестве с утверждением наиболее прогрессивных политических идей его времени.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Дмитриева Е. Ф. Из истории этимологических дублетов латино-французского происхождения в английском языке	3
2. Сафронова С. П. К вопросу о конверсии в древнеанглийском языке	24
3. Ковалева Л. М. Активация причастия II в английском языке	40
4. Сидорова В. С. Род как грамматическая категория в Уэссекском и Нортумбрийском диалектах	61
5. Зверева Е. А. Возникновение аналитических форм сослагательного наклонения в древнеанглийском языке	84
6. Зильберман Л. И. Семантика наречной частицы <i>up</i> в составе глагольных образований типа <i>to stand up</i>	110
7. Ковальницкая О. В. Сатира Байрона «Видение Суда»	132
8. Макарова Е. А. Социальная сатира в поэзии Бернса восьмидесятых годов	183

¹ The Poems, p. 121.
² Там же.